
В условиях высокой конкуренции

О возможностях России по расширению своего присутствия на европейском газовом рынке

Андрей Конопляник

*заместитель генерального секретаря
Секретариата Энергетической Хартии*

В феврале с.г. на встрече Министров энергетики государств ЕС в Тесалониках Турция и Греция подписали соглашение о строительстве 350-километровой соединительной ветки газопровода между двумя странами, ввод в строй которой приведет к формированию еще одного пути поставок в Европу газа. Назовем его "юго-восточным", в отличие от "северо-восточных" путей из России и среднеазиатских государств СНГ (двух действующих - через Украину и Белоруссию и еще одного планируемого - через акваторию Балтийского моря). При этом будут расширяться поставки газа на европейский рынок из Норвегии, Алжира и Нигерии, причем как сетевого, так и сжиженного (СПГ), сохранятся - из Великобритании и Нидерландов. Таким образом, формирование "юго-восточного" маршрута доставки импортного газа в Европу лишь усилит сегодняшнюю, и так достаточно высокую конкуренцию среди его поставщиков.

В этих условиях у России есть два пути расширения (сохранения) своего присутствия на европейском рынке:

- "административное" устранение конкурентов (перевод их поставок, там, где это возможно, под свой контроль), и/или
- создание дополнительных конкурентных преимуществ для российского газа (устранение/уменьшение существующих конкурентных преимуществ газа других поставщиков в Европе) за счет применения экономико-правовых инструментов.

Поставки газа стран СНГ через Россию в Европу: избежать транзита

Заключение Россией с Туркменистаном в апреле с.г. 25-летнего соглашения о поставках туркменского газа, может рассматриваться, в том числе, и как российский ответ на решение Греции и Турции о создании "юго-восточного" газотранспортного пути. Этот ответ предусматривает, в первую очередь, недопущение увода экспортных поставок туркменского газа в Западную Европу из-под прямого российского контроля. Для этого экспортные потоки туркменского газа надо было завести на территорию России, пропустить через газотранспортную систему "Газпрома", обеспечив последнему юридическую возможность полномасштабного контроля над ними. При этом необходимо, чтобы право собственности на этот газ принадлежало на российской территории не Туркменистану, а России ("Газпрому"). Это означает, что добываемый в Туркменистане газ должен был идти через территорию России не в качестве транзитного (в случае транзита право собственности на трубы принадлежало бы России, а на газ - Туркменистану), а закупаться "Газпромом" как минимум на границе России (по подписанному сторонами соглашению - на границе Туркменистана).

Для этого необходимо было создать соответствующие стимулы (в первую очередь - в виде покупной цены "Газпрома" и долгосрочных гарантий закупаемых объемов) для туркменского газа, чтобы завести его максимальные объемы уже сегодня в российские трубы и удержать там в течение максимально длительного времени, исключив тем самым соблазн для туркменского руководства входить в аналогичные соглашения по альтернативным маршрутам доставки туркменского газа на рынки Европы и Азии.

Поэтому, в отличие от комментаторов, по мнению которых очень сложно ответить на вопрос, а в чем собственно состоит экономический выигрыш России при подписании нового соглашения, на мой взгляд, ответ на него довольно очевиден - он заключается в исключении транзита туркменского газа (в юридико-экономическом понимании этого термина) через территорию России.

Российское (в том числе - газовое) руководство сегодня рассматривает транзит через территорию России как потенциальную угрозу (или неизбежное зло), а не как потенциально выгодный вид газового бизнеса, для которого могут существовать прозрачные взаимовыгодные для участников правила регулирования (именно на выработку таких правил нацелены переговоры по Транзитному Протоколу к Договору Энергетической Хартии). Для реализации такого сценария "устранения конкурента" нынешнему руководству "Газпрома" и России пришлось кардинально изменить (а именно: существенно смягчить) свою "газовую" политику по отношению к Туркменистану. Однако, похоже, сегодняшнее право России на закупки туркменского газа является не абсолютным, а относительным: судя по появившимся в прессе комментариям (мне не удалось ознакомиться с текстом самого соглашения), согласно подписанным соглашениям, туркменская сторона может пересматривать условия контрактов и имеет право на их разрыв после каждых пяти лет действия договора. Повторю: так трактуют заключенный договор в прессе его комментаторы. В моем же понимании это означает, что в российско-туркменское соглашение заложен механизм т.н. "права первого отказа", предусматривающий возможность обеих сторон пересматривать существенные условия соглашения (цены, объемы поставок) при сохранении за "Газпромом" преимущественного права на закупки газа на новых условиях в течение следующего пятилетнего периода.

Сходным образом была устранена угроза поиска Казахстаном альтернативных (и неподконтрольных России) путей вывода на европейский рынок своего газа, в первую очередь Карачаганакского газоконденсатного месторождения. Создание российско-казахстанского СП "КазРосГаз" предусматривает маркетинг в Европе газа, получаемого после переработки на Оренбургском заводе (РФ) газоконденсата месторождения Карачаганак (Казахстан). При этом "Газпром" закупает "жирный" (непереработанный) газ у СП на российско-казахстанской границе, и далее по технологической цепочке право собственности на товар принадлежит уже российской компании. Таким образом, "сухой" газ, полученный в Оренбурге из добытого в Казахстане газоконденсата, транспортируется по территории РФ по российским (принадлежащим "Газпрому") трубам и экспортируется в Европу уже как российский (право собственности на него принадлежит "Газпрому").

Турецкий синдром

Устранив (по крайней мере - временно) угрозу неподконтрольного выхода на рынок Европы туркменского и казахского газа, России и "Газпрому", однако, в принципе невозможно таким же способом устранить аналогичную угрозу со стороны Азербайджана и - главное - Ирана, и других ближневосточных государств, газ которых пойдет на европейский рынок по "юго-восточному" пути. При этом, судя по всему, по этому маршруту могут пойти в Европу и некоторые объемы добываемого в РФ газа - а именно, часть российских поставок в Турцию.

Алгоритм такого (возможного) реэкспорта представляется следующим. Снижение прогнозных темпов экономического роста в этой стране в последнее время привело к тому, что часть законтрактованных поставок газа в Турцию оказывается невостребованной для внутреннего потребления. В ситуации, когда экспортные контракты заключаются на основе принципа "бери и/или плати", перед этой страной стоит дилемма:

- либо добиваться пересмотра заключенных контрактов в сторону снижения объема поставок, используя для этого различные механизмы (например, претензии к качеству поставляемого газа, как это недавно было в отношении поставок газа из Ирана);

- либо ориентироваться на реэкспорт увеличивающегося избытка законтрактованных количеств импортного газа далее в Европу, для чего необходимо устранять из действующих контрактов оговорки о пунктах конечного назначения (там, где они предусмотрены), или оптимизировать физические потоки импортных поставок, используя эффект широтного расположения страны. При этом наращивание поставок с юго- и северо-востока Турции (иранского и азербайджанского газа) может привести к реэкспорту части поступающего с северо-запада Турции (через территорию Румынии и Болгарии) российского газа "обратно" в Европу по неподконтрольному России "юго-восточному" газотранспортному пути (если в российских экспортных контрактах отсутствуют или будут устранены соответствующие противодействующие реэкспорту механизмы).

Похоже, Турция выбрала второй путь, на что имеет полное суверенное право. При этом возможностей для маневра у Турции - в условиях избытка внешнего потенциального предложения газа - больше, чем у России, которой необходимо продолжать полномасштабные поставки газа в эту страну, например, по "Голубому Потоку" для того, чтобы капиталовложения в проект быстрее окупились.

Это означает, что у России остается единственная возможность эффективного расширения своего присутствия на европейском газовом рынке, а именно - повышение конкурентоспособности поставок в Европу газа, добываемого на территории РФ. Причем повышение конкурентоспособности в условиях конкурентного и все более либерализуемого газового рынка Европы. На первый план выходят инструменты международно-правовые, к каковым относится ДЭХ и (особенно важный для поставщиков газа в Европу извне ЕС) приближающийся к завершению переговоров Протокол по транзиту к ДЭХ.

На мой взгляд, для взаимоприемлемого завершения переговоров по Транзитному Протоколу необходимо найти ответ на единственный оставшийся в принципе нерешенным вопрос: о применении "права первого отказа" на территории ЕС.

Рассматривая эту проблему необходимо сделать две существенные оговорки:

1. Говоря о "Газпроме" в отношении сегодняшних и/или будущих экспортных поставок газа из России, мы будем исходить из предположения, что на некую перспективу страна будет выходить с экспортными поставками газа на рынок через единого их оператора - скажем, через "Газэкспорт", вне зависимости от того, будет ли он и в дальнейшем выступать в качестве 100%-ной дочки "Газпрома";

2. Мы будем избегать повсеместного применения термина "российский газ", который обычно понимается как "газ, добытый на территории РФ", поскольку для целей данной статьи и Протокола по Транзиту к ДЭХ, как будет показано ниже, критически важным является не страна происхождения газа, а кому принадлежит право собственности на добытый в России газ на территории той или иной страны по пути следования (в Европу) к конечному его потребителю.

Российский газ в ЕС: "национальный режим" и "минимальный стандарт"?

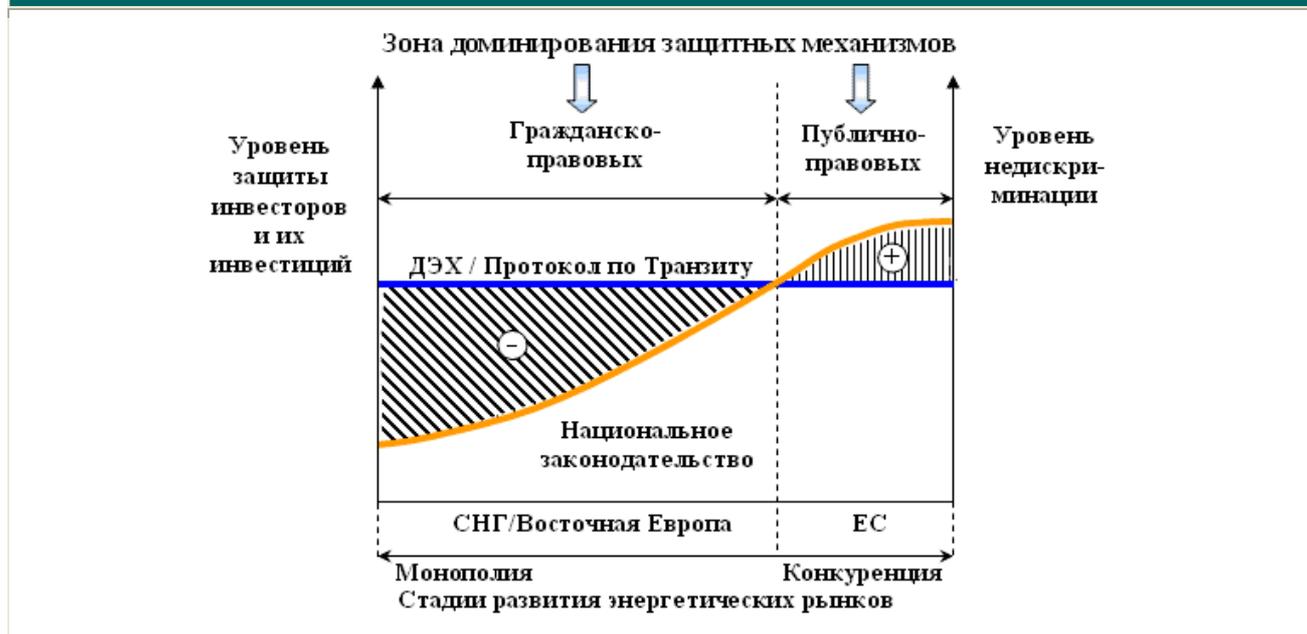
Десятого-одиннадцатого марта с.г. в Брюсселе состоялись первые из запланированных во время декабрьской (2002 г.) сессии Конференции по Энергетической Хартии консультаций между делегациями России и ЕС в рамках многосторонних переговоров по Протоколу по транзиту к ДЭХ, нацеленные на нахождение взаимоприемлемых развязок по остающимся нерешенным вопросам Протокола (см. "Протокол по Транзиту к ДЭХ: на пути к согласию", МЭП №3, 2003г.). В ходе этих консультаций российская делегация, впервые за более чем трехлетнюю историю переговоров согласилась с возможностью закрепления в тексте Протокола т.н. "интеграционной поправки ЕС" ("положения об Организации Региональной Экономической Интеграции (ОРЭИ)").

В соответствии с "положением об ОРЭИ" в рамках обязательств Протокола понятие "транзит" в отношении ОРЭИ применяется к потокам энергоресурсов, пересекающим всю территорию ОРЭИ "насквозь". Единственной ОРЭИ в рамках ДЭХ является ЕС. Это означает, что за пределами ЕС (в рамках расширяющегося географического пространства Энергетической Хартии) в отношении транзитных потоков энергоресурсов будут действовать правила Транзитного Протокола. В отношении же потоков энергоресурсов внутри расширяющегося пространства ЕС, которые сегодня считаются транзитными (поскольку проходят через территорию одной или нескольких стран ЕС, но имеют конечным пунктом назначения иную страну ЕС) и которые после принятия "положения об ОРЭИ" транзитными считаться уже не будут (поскольку в рамках законодательства ЕС существует единое понятие "(свободное) перемещение товаров внутри территории ЕС", устанавливающее единые недискриминационные правила перемещения для внутренней транспортировки, экспорта-импорта и транзита), будут действовать правила, определяемые внутренним законодательством ЕС.

Во время мартовских консультаций делегация ЕС сделала, на мой взгляд, в ответ на принципиальное согласие России принять "интеграционную поправку", серьезный шаг навстречу интересам России, предложив дополнить статью 20 Протокола (в которой расшифровывается понятие "транзит" в случае ОРЭИ) пунктом 2, в котором ЕС берет на себя обязательство о предоставлении "национального режима" потокам углеводородов, происходящим извне ЕС. Это означает, что условия транспортировки иностранного (читай: российского) газа по расширяющейся территории ЕС не могут быть хуже, чем лучшие из существующих условий перемещения газа любого из государств ЕС по территории ЕС (скажем, "транзита" норвежского газа в Испанию через территорию Франции, или "импорта" нидерландского газа в Бельгию, или условий "внутренней транспортировки" газа по территории Германии). ЕС, таким образом, обязуется установить единый режим перемещения для любых (по происхождению и праву собственности на них) углеводородов по расширяющейся территории ЕС.

Согласившись в принципе с приемлемостью такого подхода, российская делегация потребовала ввести в Протокол положение о т.н. "минимальном стандарте", которое защищало бы иностранных поставщиков газа на территории ЕС от дополнительных институциональных рисков. Их появление (и как следствие - дополнительных транзакционных издержек) может быть связано с переходом на территории ЕС из зоны гражданско-правовых защитных механизмов перевозчиков (обеспечиваемых транзитным Протоколом) в зону публично-правовых механизмов защиты перевозчиков (обеспечиваемых законодательством ЕС), (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Соотношение гражданского и публичного права после введения "интеграционной поправки ЕС" - обоснование требования "минимального стандарта" (к вопросу о появлении дополнительных институциональных рисков и дополнительных транзакционных издержек)

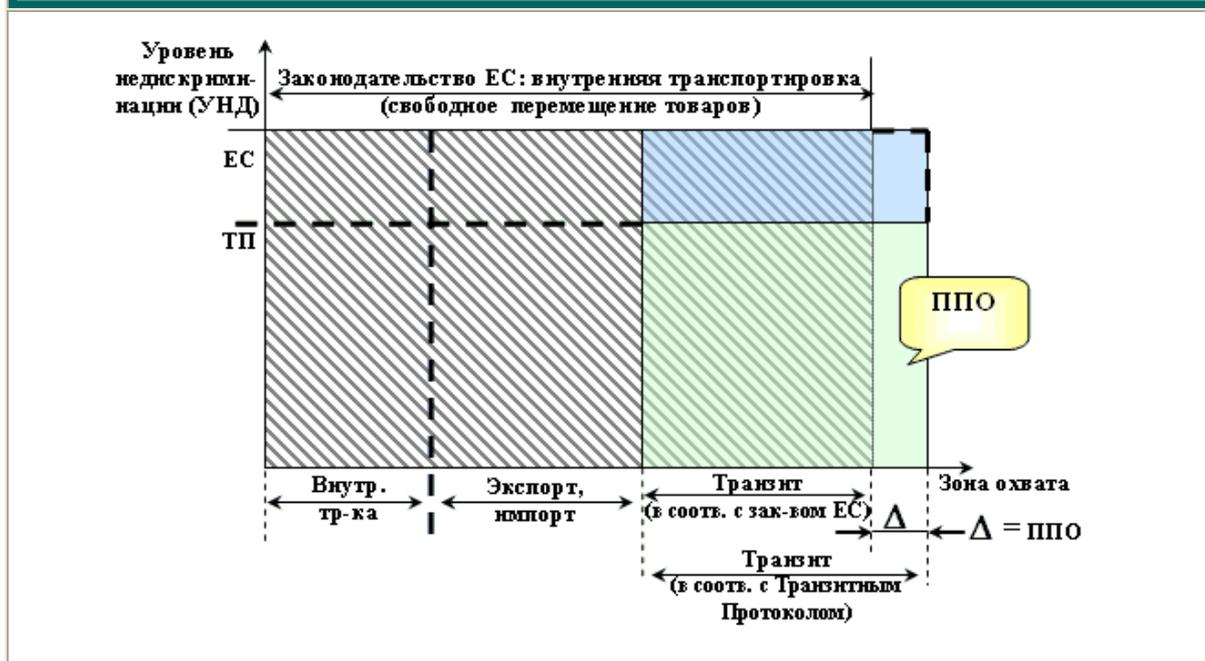

В свою очередь делегация ЕС также согласилась в принципе с возможностью введения в Протокол такого положения, т.к. концепция "минимального стандарта" является основополагающей при подготовке любых международных договоров - они всегда закрепляют "минимальный стандарт" поведения сторон в условиях, отражающих существующую на момент переговоров стадию развития тех или иных рынков. Протокол по Транзиту не является исключением и закрепляет в качестве "минимального стандарта" общий для стран-членов ДЭХ набор механизмов и инструментов защиты перевозчиков. Таков удел применения принципа "баланса интересов" для государств, находящихся на разных стадиях развития - выравнивание всегда происходит по некоему промежуточному варианту.

"Минимальный стандарт" и право первого отказа

Принципиальная возможность фиксации в Протоколе требования о "минимальном стандарте", и, как следствие, урегулирование вопроса о применимости "интеграционной поправки ЕС", натолкнулась, однако, на, казалось бы, непреодолимое препятствие - разногласия делегаций России и ЕС по вопросу о применении "права первого отказа" (ППО) на территории ЕС. Поясню взаимосвязь этих двух вопросов (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Возможность реализации требования о включении "минимального стандарта" в статью с "интеграционной поправкой ЕС" (зависит от решения вопроса о применении "права первого отказа" на территории ЕС)

Принятие требования о "минимальном стандарте" означает, что по каждому пункту Протокола уровень недискриминации (защиты интересов) перевозчиков, обеспечиваемый законодательством ЕС, будет не ниже, чем обеспечиваемый положениями самого Протокола. Таким образом, проблема "минимального стандарта" распадается на две: как соотносятся уровень защиты и зоны применения Транзитного Протокола и законодательства ЕС по вопросам, охватываемым Транзитным Протоколом.

Уровень защиты. Результаты анализа, проведенного как ЕС, так и Секретариатом Энергетической Хартии в 2002 г., показали, что уровень защиты перевозчиков, обеспечиваемый на территории ЕС трехуровневой правовой структурой, состоящей из собственно законодательства ЕС, правил ВТО и ДЭХ, является как минимум таким же, как уровень защиты, обеспечиваемый Транзитным Протоколом (направление по оси ординат на рис. 2)

Зоны применения. С одной стороны, зона применения законодательства ЕС в отношении транспортировки энергетических материалов и продуктов намного шире, чем Транзитного Протокола, поскольку включает не охватываемые последним такие понятия как "внутренняя транспортировка" и "экспорт-импорт" (направление по оси абсцисс на рис. 2). С другой стороны, номенклатура позиций Транзитного Протокола шире, чем у законодательства ЕС по вопросам, относящимся к транзиту, поскольку в законодательстве ЕС отсутствует понятие "право первого отказа". При этом делегация ЕС на переговорах категорически отказывается соглашаться на применение механизма ППО (см. ["Как следует из проекта Протокола"](#)) на территории ЕС, т.е. вводить это понятие в свое внутреннее законодательство, мотивируя свой отказ тем, что-де применение ППО противоречит законодательству ЕС о конкуренции. Таким образом, возможность нахождения развязки по вопросу о "положении об ОРЭИ" оказывается зависимой от нахождения развязки по вопросу о (не)применении ППО на территории ЕС.

Как мы уже писали ранее (см. МЭП, №1,3 2003 г.) потребность в ППО появилась после

по территории дружественных и практически полностью зависимых от СССР государств СЭВ в одночасье превратилась в сегодняшние транзитные поставки российских энергоресурсов по территории независимых государств СНГ и Восточной Европы.

Таким образом, Россия (в лице "Газпрома") заинтересована в получении (обеспечении применения) ППО на территории тех стран, которые сегодня являются транзитными для российского газа. При этом (sic!) под словом "российский" (как отмечалось выше) в данном случае подразумевается юридический, а не географический смысл термина. Иначе говоря, не страна происхождения газа, поток которого проходит через территорию той или иной страны (т.е. не ответ на вопрос: откуда пришел газ), а право собственности на проходящий через территорию той или иной страны газ, происходящий из российской территории, т.е. идущий транзитом из России (т.е. ответ на вопрос: кому принадлежит этот газ).

Следовательно, необходимо рассмотреть вопрос о праве собственности на добытый в России газ при его поставках на территорию ЕС. Иначе говоря: в каких случаях "Газпром" является "существующим транзитным перевозчиком" и, в частности, является ли он сегодня таковым на территории ЕС.

ППО на территории ЕС: кому это выгодно?

На основных (Украинском и Белорусском) маршрутах экспортных поставок в ЕС добываемого в России газа можно выделить несколько ключевых пунктов:

А - пункты на границе России и стран СНГ. В этих пунктах право собственности на трубу переходит от "Газпрома" к соответствующим компаниям государств СНГ, но право собственности на газ остается у "Газпрома". В этих пунктах начинается транзит через территорию государств СНГ;

В - пункты на границе государств СНГ (бывшей границе бывшего СССР) и восточноевропейских стран (государств бывшего СЭВ). В этих пунктах право собственности на трубу переходит к соответствующим компаниям государств Восточной Европы, но право собственности на газ остается у "Газпрома". В этих пунктах транзит газа через территории СНГ сменяется транзитом газа через территорию соответствующих стран Восточной Европы;

С - пункты на границе транзитных стран Восточной Европы и государств ЕС. В этих пунктах - на внешней границе ЕС происходит продажа российского газа западноевропейским покупателям (компаниям стран ЕС). Здесь заканчивается транзит российского газа через территорию европейских стран, а право собственности и на трубу и на газ переходит соответствующим западноевропейским компаниям (компаниям стран ЕС).

Например, при продаже российского газа во Францию "Газпром" через свое внешнеторговое подразделение "Газэкспорт" продает его компании "Gaz de France" на внешней границе ЕС в пункте Вайдхаус на чешско-германской границе. Право собственности на газ в этой точке переходит компании "Gaz de France", которая далее осуществляет его транзит до Франции по территории Германии через газопровод, принадлежащий ей на паях с немецкой компанией Ruhrgaz. Таким образом, "существующим транзитным перевозчиком" в данной ситуации является Gaz de France, а не "Газпром". И, насколько мне известно, такова ситуация во всех других случаях продажи российского газа в страны ЕС, когда его покупателями являются страны, расположенные внутри ЕС (Франция, Швейцария, Италия, Турция), доступ к территории которых требует транзита российского газа через территории государств стран СНГ (Белоруссия), Украина, Молдавия), бывшего СЭВ (Польша, Венгрия, Румыния и Болгария) и страны ЕС, расположенные на внешней границе Сообщества (ФРГ, Австралия, Греция).

Это означает, что сегодня транзит российского газа внутри территории ЕС отсутствует.

Этот вывод - ключевой для дальнейших рассуждений. Если он верен (обратное пока не доказано), то применение ППО на территории ЕС будет препятствовать дальнейшему проникновению "Газпрома" вглубь Европы - в страны "V пояса": Францию, Италию и т.д., в частности - наращивать поставки конечным потребителям этих государств, исторически являющихся основными западноевропейскими (наряду с Германией) рынками сбыта добываемого в России газа.

Мне уже приходилось в ответ на это слышать возражения, что-де данный вывод неправилен, ибо существуют, например, поставки российского газа в Германию (в том числе в бывшую ГДР), когда этот газ идет дальше в Европу, и/или предусматриваются - в Соединенное Королевство (участие "Газпрома" в проекте "Интерконнектор").

Однако, на мой взгляд, оба этих возражения (с иными пока сталкиваться не приходилось) не совсем точно отражают существо принципиально важного в контексте Протокола по Транзиту вопроса - в них речь идет о поставках вглубь территории ЕС газа, который либо нельзя отнести к транзитному (он не подпадает под понятие Транзит), либо право собственности на который не принадлежит "Газпрому".

В случае поставок газа из России на внутренний рынок Германии (будь-то в рамках соглашений между "Газпромом" и его акционером Ruhrgaz, будь-то в рамках соглашений с дочерним "Газпрому" Wingaz), этот газ на территории Германии не является ни транзитным (ФРГ в этом случае - страна конечного назначения), ни российским. В первом случае, "Газпром" продает газ Ruhrgaz на условиях франко-граница Германии, поэтому право собственности на этот газ на территории ФРГ принадлежит не "Газпрому", но Ruhrgaz. Во втором случае - на границе Германии право собственности переходит от "Газпрома" к СП Wingaz между немецким Wintershall и "Газпромом", в котором последнему принадлежит 35%.

В случае покупки альянсом "Wintershall-Газпром" 26,6%-ного пакета акций компании VNG (контролирует сбыт газа на территории бывшей ГДР, принадлежит сегодня Ruhrgaz и поглотившей его E.On), этот газ на территории Германии также не будет российским, даже с учетом того, что сегодня 15% VNG уже принадлежат Wintershall (продажа в срок до 31.07.2003 принадлежащих Ruhrgaz (36.6%) и E.On (5.26%) акций VNG является одним из условий, при соблюдении которых правительство Германии разрешило сделку по слиянию этих компаний).

Таким образом, ни в одном из трех рассмотренных случаев речь не идет о транзите российского газа (в юридическом смысле) через территорию Германии. Борьба "Газпрома" за проникновение вглубь территории Германии, за доступ к конечному немецкому потребителю, не связана с транзитом через территорию ФРГ.

В случае с 10%-ным участием "Газпрома" в проекте "Интерконнектор" (поставки газа в/из Соединенное Королевство), речь также не идет о транзите газа в юридическом смысле, подразумевающим наличие физического потока поставляемого газа через территорию той или иной страны, поскольку в данном случае речь идет, насколько мне известно, о сделках замещения (Свопах), а не о физической доставке на территорию "туманного Альбиона" добытого в России газа, право собственности на который сохранялось бы за "Газпромом" на всем протяжении пути его доставки покупателю.

Таким образом, пока не доказано иное, будем исходить из того, что сложившаяся практика осуществления экспортных поставок "Газпромом" добытого в России газа на территорию ЕС не предполагает наличия транзита российского (в юридическом смысле) газа внутри ЕС. Следовательно, требование о включении в текст Протокола по Транзиту положения о повсеместном применении ППО на территории стран-членов ДЭХ будет противоречить интересам России и самого "Газпрома", если ППО будет применяться и на территории ЕС.

От представителей "Газпрома" на переговорах приходилось неоднократно слышать, что их

позицию о необходимости повсеместного применения ППО, в том числе на территории ЕС, разделяют и активно поддерживают все крупнейшие западные газовые компании (Ruhrgaz, Gaz de France, Eni и т.д.). Но, на мой взгляд, интересы этих компаний и "Газпрома" в отношении поставок в ЕС происходящего из России газа являются диаметрально противоположными, как являются обыкновенно несопадающими интересы покупателя и продавца, из-за различающихся примерно вдвое оптовых цен на границе и у конечных потребителей внутри стран ЕС (скажем, для Германии в 2002 г. - соответственно \$120 и \$220/тыс. куб м). Указанные западные компании заинтересованы в том, чтобы продолжать закупать газ у "Газпрома" на условиях франко-граница ЕС, чтобы самим продавать его конечным потребителям. "Газпром" же (должен быть) заинтересован в переходе от продажи своего газа указанным компаниям (выступающим в качестве оптовых покупателей-перепродавцов) на границе ЕС к самостоятельной продаже своего газа непосредственно конечным европейским потребителям. Либерализация европейского газового рынка (и "Газовая Директива ЕС") предоставляет такое право - выбора поставщиков - конечным потребителям газа в ЕС.

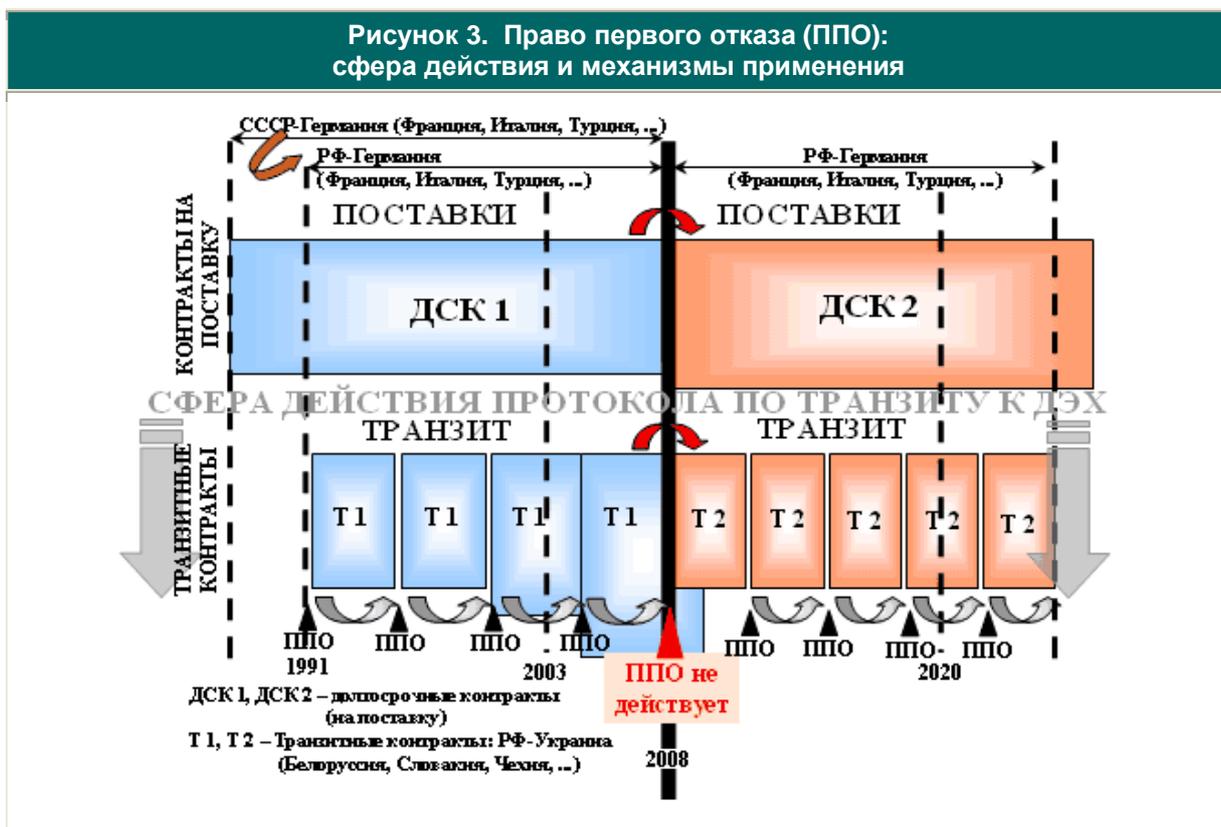
Через долевое участие в Wingaz и (если получится) в VNG "Газпром" получает доступ к конечным потребителям Германии. Но на пути "Газпрома" к конечным потребителям, например Франции и Италии, может встать препятствие в виде ППО на территории ЕС, которое будет защищать, скажем, Gaz de France, от проникновения "Газпрома" с самостоятельными поставками своего газа вглубь территории ЕС, и, наоборот, мешать "Газпрому", как новому перевозчику, получить доступ к газотранспортным транзитным Наличным Мощностям на территории ЕС. Поэтому аргументы о "единодушной поддержке" представляются в данном случае, скажем мягко, не вполне правомерными в силу различия интересов тех, кто поддерживает, и тех, кого поддерживают.

ППО и расширение ЕС

Однако, после 1 мая 2004 г., когда Европейский Союз из ассоциации 15 стран (ЕС-15) превратится в ЕС-25, вопрос о ППО на его территории (а именно - на территории ряда новых членов ЕС) приобретает совсем иную окраску. В этом случае "Газпром", как исторически "существующий транзитный перевозчик" на территории государств бывшего СЭВ, оказывается заинтересован в применении ППО на территории расширенного ЕС. Кажется бы - неразрешимое противоречие: "Газпром" становится одновременно заинтересованным и в наличии, и в отсутствии ППО на территории ЕС.

Однако и это противоречие оказывается разрешимым - по крайней мере, на период действия существующих долгосрочных контрактов на поставку газа в Европу. Существуют общеприменимые нормы международного права, в соответствии с которыми будет применяться следующее правило: если после 1-го мая 2004 г. распространившиеся на территорию новых членов ЕС нормы законодательства ЕС вступают в противоречие с положениями заключенных ранее транзитных контрактов, то последние сохраняют свою силу вплоть до истечения срока действия этих контрактов. Обязательство соблюдать Транзитные Соглашения и невозможность их одностороннего пересмотра предусмотрено ст. 5 Протокола. Таким образом, после 01.05.2004 и вплоть до истечения действующих долгосрочных контрактов на поставку газа, в рамках которых предусмотрено действие ППО, доминировать будут положения указанных контрактов. При перезаключении этих контрактов на поставку действие ППО не предусматривается (см. рис. 3). К тому времени, по-видимому, сложится уже иная конфигурация газового рынка и в Европе, и в России, процессы его либерализации выйдут за пределы сегодняшнего ЕС, иными, вероятно, могут стать место, роль и интересы

"Газпрома" на этом рынке.

Итак, из изложенного следует, что взаимоисключающие переговорные позиции делегаций России и ЕС в отношении применения ППО на территории ЕС на самом деле могут быть сведены к взаимоприемлемому компромиссу. Если вышеизложенное верно, то принятие предложения ЕС о зоне (не)применения ППО отвечает интересам "Газпрома" и России в целом. Применение же ППО за пределами ЕС на "азиатском" сегменте газового рынка (например, при закупках туркменского газа) очевидно играет на руку "Газпрому", поскольку в этом случае, закупая газ на границе Туркменистана, российская компания становится "существующим транзитным перевозчиком" на территории Узбекистана и Казахстана.

Таким образом, приходим к выводу, что нерешенные вопросы Транзитного Протокола к ДЭХ (транзитные тарифы, положение об ОРЭИ, право первого отказа) имеют взаимоприемлемые для России и ЕС решения и, таким образом, переговоры технически могут быть завершены в самое ближайшее время.

Остается открытым вопрос: хотят ли (могут ли) Россия и ЕС в ближайшее время, в соответствии с решением декабрьской (2002 г.) Конференции по Энергетической Хартии, достичь завершения переговоров по Протоколу по Транзиту или тому мешают иные причины, а не внутренние проблемы Транзитного Протокола? Понятно, что российская сторона будет стремиться (стремится) найти развязки существующих разногласий с ЕС в процессе Энергетической Хартии как часть системного компромисса по комплексу своих взаимоотношений с Европейскими Сообществами в одновременно развивающихся (с разными темпами и успешностью) процессах присоединения к ВТО, формирования общеевропейского экономического пространства, энергодиалога Россия-ЕС. С другой стороны, как показывают

основе взаимоприемлемые альтернативные решения проблем транзита их энергоресурсов через российскую территорию. Остаются пока открытыми (т.е. не воплощенными в соответствующие правительственные документы) вопросы реформирования внутреннего рынка газа, не утверждена пока правительством и "Энергетическая стратегия России".

Похоже, что вопрос завершения переговоров по Транзитному Протоколу к ДЭХ находится в иной - политической плоскости и требует своего политического решения. Подтолкнет ли стороны к такому решению предстоящий саммит Россия-ЕС?

Как следует из проекта Протокола

В соответствии с проектом Транзитного Протокола "в тех случаях, когда продолжительность Соглашения по Транзиту... углеводородов, не соответствует продолжительности контракта на поставку, Договаривающаяся Сторона, через Территорию которой углеводороды проходят транзитом, обеспечивает, чтобы владельцы или операторы Сооружений для Транспортировки Энергии под ее юрисдикцией, которые ведут переговоры о доступе к Наличным Мощностям, рассматривали добросовестно и на конкурентных условиях возобновление таких Соглашений по Транзиту. При этом понимается, что существующий пользователь по истечении Соглашения по Транзиту получает режим не лучше и не хуже, чем режим других потенциальных пользователей в это время, за исключением того, что существующему пользователю предоставляется первая возможность принять условия, предлагаемые в отношении любого нового Соглашения по Транзиту для этих Наличных Мощностей". Иными словами, любой новый пользователь наличных мощностей по транзиту может получить к ним доступ только после того, как существующий пользователь откажется возобновлять свое транзитное соглашение на новых предложенных ему условиях.

Из этого определения следует, что ППО должно применяться только в рамках действующих соглашений на поставку (как правило, сегодня, в случае поставок из России, это - долгосрочные экспортные контракты на поставку газа на условиях "бери и/или плати"). Сами контракты на поставку не являются предметом законодательного регулирования Протокола по Транзиту. Поэтому ППО не распространяется на перезаключение (долгосрочных экспортных) контрактов на поставку. Но когда такой контракт перезаключен (например, в 2008 г., см. рис. 3), то в рамках нового (долгосрочного экспортного) контракта на поставку начинает действовать ППО в отношении доступа к транзитным Наличным Мощностям.

Второй важный вывод в отношении ППО. Россия и ее нынешний внешнеторговый газовый монополист "Газпром" будут заинтересованы в применении ППО на территории тех стран, где "Газпром" является "существующим пользователем Наличных Мощностей по Транзиту". Там же, где "Газпром" таковым не является, наличие ППО будет препятствовать ему в получении доступа к Наличным Мощностям по Транзиту.